

УДК 39 (470.62/.64)

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-4-39-7-14

ПАХОТА, ПАХОТНЫЕ ОРУДИЯ И СУПРЯГА В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ ЧЕРКЕСОВ

Бгажноков Барасби Хачимович, доктор исторических наук, заведующий сектором древней истории и археологии Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), bbarasbi@yandex.ru

В статье рассматриваются основные черты и традиции плужного земледелия черкесов. В том числе закрепление традиций пашенного земледелия в языке и языковом сознании народа, особенности использования в практике весенне-полевых работ тяжелого черкесского плуга, некоторые другие аспекты черкесской агроэтнографии. Подчеркивается, что основной фонд земледельческой лексики черкесского языка сформировался в глубокой древности, возможно, еще в неолите, и уже тогда были четко выделены все этапы земледельческой деятельности, среди которых главенствующее место занимала пахота с последующим севом. Характеристики тяжелого черкесского плуга рассматриваются в связи с их адаптацией к условиям подвижного, переложно-залежного земледелия. Представлена общая характеристика традиций взаимопомощи и коллективного труда во время пахоты, роли так называемого вако тхамата – «главы пахоты» и сельской общины в целом в организации слаженной работы крестьян в полевых условиях.

Ключевые слова: черкесы, пашенное земледелие, пахотные орудия, агроэтнография, тяжелый плуг, воловья упряжка, традиции взаимопомощи.

Пахота и пашенное земледелие в языке и языковом сознании черкесов

Будучи простейшим односложным словом, глагол *вэ/вэн* (адыгейск. *жъон*) – «пахать», «рыхлить почву», является одним из древнейших в лексическом фонде черкесского языка. К числу общеадыгских, базовых и самых древних, относятся также термины, фиксирующие все другие наиболее важные этапы земледельческого труда: *сэн* – «сеять», *хын* – «жаты», «жатва», *гун* – «лушение», а также образованный в результате редупликации композит *вэн-сэн* – «пахота-сев», который является изначально обозначением весенне-полевых работ в целом.

В тесном взаимодействии с обозначениями пахоты, сева и жатвы находятся многие другие лексические единицы черкесского языка. Что касается глагола *вэн*, то производными от этого слова являются в первую очередь термины, так или иначе связанные с земледелием. В том числе и термины особенно важные для закрепления знаний и навыков пашенного земледелия, как одной из первых и наиболее сложных культурных форм добывания пищи. Ср.:

вагъэ – «пашня», *вэныжь* – «залежь», «залежная земля», *вэнтхъулъэ* – «целина», «целинная земля», «дикое поле», *вэклэ* (адыг. *жъуаклэ*) – «умение пахать, способ пахоты», *вагъэдэтхъу* – «способ пахоты, при котором пашню вспахивают, начиная с концов участка двигаясь к ее середине», *ваклуэ* (адыг. *жъонакло*) – «пахарь», *вабдзэ* (адыг. *цубзэ*) – «лемех», *ва-фэ* (адыг. *жъуа-шъо*), букв. «пахотная кожа» – «ремень для прикрепления

плуга к передку», *вагъэбдзумэ* (*жъуагъопцумэ*) – «пласт земли, переворачиваемый плугом», *жъогъэжъ* (адыг.) – «зьябь», *вагъэмбэкъу* – «борозда», *жъоныгъу* (адыг.) – «время (для начала) пахоты», *жъоныгъуакI* (адыг.) – «окончание пахоты», *жъоныуж* – «время после окончания пахоты» и др.

У кабардинцев даже в наименовании навоза – *вэн-вей*, которым наряду с золой удобряли почву, определяющее значение имеет, как видно, слово *вэн*. Создается в результате слово с буквальным значением «помет для пашни». При этом нельзя исключать, что вторая часть этого сложного слова – *вей* восходит к названию воллов – *вы* (адыг. *цу*). Отсюда одно из адыгейских названий навоза/помета – *цуй/цые* (наряду с терминами *ебз*, *чыгъэшилу*), позволяющее по аналогии с кабардинским обозначением навоза сконструировать его адыгейский вариант – *жъон-цуйей*.

В нижнечеркесском варианте адыгского языка на возможность такого (выпадающего из общего процесса словосложения) способа развития земледельческой лексики указывает также обозначение лемеха – *цу-а-бзэ*, в котором первый значимый компонент *цу* является, видимо, наименованием вола/быка, как тягловой, рабочей силы, а второй – *бзэ* используется как существительное с собирательным значением «орудие», «механизм».

Не случайна, быть может, и кажущаяся только внешней связь корня *вэ/вэн* – «пахать» с обозначением звезд – *вагъуэ* (адыг. *жъуагъэ*) и практически полное совпадение с глаголом «варить» (варка, варение) – *вэн* (адыг. *жъон*). Все это требует, конечно, специального рассмотрения. Заметим только, что существует, судя по всему, какая-то особенная, внутренняя связь между вспаханным (засеянным) полем и вареной пищей. И в том, и в другом случае мы имеем дело с древнейшими формами цивилизации, возникшими еще в период неолита или «протоистории» (К. Леви-Стросс). Они знаменуют появление новых форм добывания и приготовления пищи с использованием одомашненных животных, пахотных орудий и культурных растений, огня и сосудов для наполнения водой и варки сырого мяса.

Основной фонд лексики черкесского языка, связанной с пашенным земледелием, довольно богат и сложился, как следует из вышеприведенных примеров, в глубокой древности, уходит своими корнями в эпоху неолитической революции, перехода от присваивающего хозяйства к производящему. Видимо, уже тогда были выделены некоторые главные этапы земледельческого труда. Но при этом ведущее место в процессе возделывания хлебных злаков отводилось и отводится сейчас именно пахоте, как самой трудоемкой и ответственной части земледельческой деятельности, которая закладывает основы будущего урожая, производит и воспроизводит хлеб, как таковой. Не зря связанное с земледелием воздействие на природу закрепилось в латинском языке под именем *cultura* – букв. «возделывание, обработка» и стало постепенно понятием, охватывающим все средства и способы осознанной, разумной деятельности человека и общества.

Представление о том, что хорошо и правильно вспаханное поле является гарантом обильного урожая, закрепилось в языковом сознании черкесов благодаря прилагательному *бэв* (адыг. *бэжъу*). Оно состоит из двух корневых морфем: *бэ* – «обилие», «множество», *вэн* – «пахать» и применяется обычно к урожаю, прежде всего к высокому урожаю зерновых. Поэтому формулы приветствий, с которыми обычно обращаются в поле к пахарю, всегда содержат слово *бэв/бов*. Ср.: *Бов ащий* – «Изобилия вам»; *Гъэбэв угъуэт ащий* (адыг. – *Гъэбэжъу огъот ащий*), «Год изобильным (урожайным) да будет»; *Гъэбэв алыхъым къуит* – «Год изобильный Аллах тебе пусть даст»; *Бэвыихуэ тхъэм къуит* – «Изобилие великое Бог тебе пусть даст».

С представлениями о пахоте и пашенном земледелии связано и слово для обозначения хлебных злаков и урожая зерновых культур в целом – *гъа-вэ*, в котором первый компонент *гъэ* соотносится с весной и летом (теплым временем года), а второй с пахотой. Употребительны, особенно у кабардинцев, высказывания типа:

Гъавэр трасац – букв. «Засеяли хлебными злаками», *Гъавэр Луахыжац* – «Убрали урожай». Распространено также уже упоминавшееся и наиболее точное обозначение богатого, обильного урожая – *гъэбэв* (адыг. *гъэбэжъу*).

Кроме того, слово *гъавэ*, также точно как его адыгейский эквивалент – *гъажьо* применяется в более узком значении – как наименование проса. А в кабардинском языке как обозначение одного из многих сортов проса используется слово *вагъуэ-плъ* – букв. «красное просо». Эти примеры свидетельствуют лишний раз об исключительной роли проса/пшена в традиционной культуре земледелия и питания черкесов. Но вместе с тем и в равной степени о том, насколько прочно связано возделывание проса с подготовкой для этого земли – с ее распашкой по всем правилам, выработанным в течение многих столетий, с использованием необходимых орудий и приспособлений, среди которых главным является традиционно плуг – *пхъэ/эцэ*.

Тяжелый плуг и воловья упряжка

Термин *пхъэ/эцэ*, означающий буквально – «деревянное орудие», возник, по-видимому, в древности, при переходе к плужному земледелию, когда в качестве пахотного орудия использовалась деревянная соха. Но уже во времена позднего средневековья и нового времени адыги, наряду с сохой применяли для распашки своих полей тяжелый железный плуг. Он был похож во многом на украинский тяжелый плуг и широко известен на Северном Кавказе под названием кабардинского или черкесского плуга: у алан (осетин) – *касгон гутон*, *касгон гутон*, у балкаро-карачаевцев – *черкес агац* и т.д.¹

По-видимому, аналогичным образом именовали черкесский плуг грузины, в языке которых обозначением плуга является слово *гутани*. Но в любом случае, очевидно, что термины *гутон* и *гутана* в значении «плуг» в осетинском и грузинском языках заимствованы из кабардинского *гутланэ* (адыг. *кутланэ*). Так называли адыги передок с грядилью (дышлом) и двумя колесами. В традиционном тяжелом железном плуге он выполнял роль главной, несущей конструкции.

И этот термин, безусловно, исконно черкесский, легко объяснимый лексико-семантическим строем адыгского языка. Перед нами сложное слово, состоящее из двух лексических единиц черкесского языка: *гу* (*ку*) – «повозка» и *мл/млын* – «рыть», «копать» с древним и весьма продуктивным для образования существительных аффиксом *-нэ*, *-н*. Создается, таким образом, термин с внутренней формой: «роющая повозка». Отсюда и западноадыгское обозначение плугаря – *кутанэцц/котанэцц*, букв. «повелитель плуга», которому в кабардинском языке соответствует произносимый с таким же пиететом древний термин *пхъэ/эцэжъ*, букв. «могучий плугарь». Что же касается версии грузинского происхождения термина «гутана», то она на данном фоне менее убедительна. К тому же известно, что у грузин существовало старое, исконное название плуга – *эрквани*, а термин *гутани*, упоминающийся в середине XIII века лишь заменил прежнее название *эрквани*². Судя по всему, этот новый термин был заимствован у черкесов, что произошло, видимо, вместе с заимствованием самого черкесского плуга. При этом имела место своего рода лексическая синекдоха: черкесское название одной, но самой бросающейся в глаза части черкесского плуга – передка, *гутланэ* стало грузинским названием плуга – *гутани*.

Остается открытым еще вопрос о том, заимствовали ли адыги тяжелый плуг у украинцев или, напротив, украинцы освоили и переняли это орудие вместе с некоторыми другими элементами культуры земледелия, сложившимися в черкесской среде в древности. Показательно, в любом случае, что осетины по аналогии с обозначением черкесского плуга – *касгон гутон* называют украинский плуг *украинаг гутон*, а грузинский плуг – *гурзиаг гутон*³.

Кабардинский (черкесский) тяжелый плуг с деревянной основой имел железный лемех – *вабдзэ* (адыг. *цубзэ*) и сошник (резак) – *фIэбз* (адыг. *шIобз*), *вабдзэ-пэгъу*. Другие части плуга изготовлялись из твердых пород дерева, в основном из дуба, ясеня, вяза⁴. Среди них:

грядиль (плужное дышло) – *пэгъу*, *пхъэлэщэ пэгъу*, прикреплявшийся к передку с помощью ремня, полоз – *пхъэлэщэ лъэгъу*, стояк, соединяющий полоз с дышлом – адыг. *шынчат*, отвал – *бдзумэ* (адыг. *уо*), приспособление для регулировки ширины борозды – *вацIэ*, упоминавшийся выше передок с двумя колесами и дышлом (грядилью) – *гумIанэ* (адыг. *кутанэ*), ярмо – *выбжъы*, две рукоятки (*пхъэлэщэкл*), из которых правая была продета в грядиль (дышло) и была толще левой и т.д.

Сверх этого, чтобы обеспечить необходимую прочность и проходимость всей конструкции плуга, оба колеса (полевое и бороздовое) закрепляли снаружи деревянными (изготовленными из карагача – *дыкъуэнагъ*) или железными ободами – *гульэгъу*. При этом левое – полевое колесо было в диаметре на 15–20 см меньше, чем правое – бороздовое.

Особое название *ва-фэ* (адыг. *жъуа-шъо*) – букв. «пахотная кожа» имел также ремень для прикрепления плуга к передку. Он изготавливался из шкуры быка или буйвола⁵.

Регулировка ширины борозды осуществлялась, как сказано, специальной деревянной дугой (спицей) – *вацIэ* (адыг. *зацэ*), а глубины – колышками на грядили, с помощью которых устанавливалось расстояние между передком и полозом. Порядок необходимых для этого действий хорошо описан Т.Д. Алибердовым. «От установки передка ближе или дальше от полоза зависит глубина вспашки: чем ближе к передку, тем мельче; чем дальше – тем глубже. От приближения или удаления спицы к бороздковому колесу зависит ширина вспашки: чем ближе спица к бороздковому колесу, тем уже борозды; чем дальше – тем шире»⁶.

Конструкция плуга позволяла распахивать землю на глубину 4 вершков (около 18 см). В то же время другие плуги, распространенные на Кавказе в горных районах, могли поднять землю не более чем на два вершка⁷. Из этого следует, что черкесский тяжелый плуг был максимально приспособлен к системе переложно-залежного земледелия, к распашке целинных и залежных земель в степях Предкавказья.

С плужным земледелием прямо связано также использование волов, в качестве тягловой силы, позволяющей сравнительно легко распахивать огромные поля. Упряжка тяжелого кабардинского плуга состояла из 6, но чаще всего из 8 волов – *вэрэвий* или четырех следующих друг за другом пар. Хотя есть данные о том, что впрягали иногда и большее число волов – 10, 12, 16, упряжка из 8 волов считалась, по всей вероятности, обязательной для всех нормой и технически наиболее оптимальной и удобной. Поэтому в здравицах Богу Тхагаледжу, приуроченных к праздникам выхода на пахоту и первой борозды, возвращения с пахоты и окончания весенне-полевых работ речь идет всегда о восьми волах или о четырех парах волов – *вэрэвий*. Причем каждая из этих пар, по данным Т.Д.Алибердова, выполняла особую, закрепленную за ней функцию. В соответствии с этой функцией все четыре пары волов имели свое собственное, отдельное название и занимали определенное место в упряжке:

«Впереди идущая пара называлась пашэ (вожатый) – обычно это были опытные быки, правильно шедшие по борозде без погонщика. Вторая пара называлась пашэ дакъэ (пара, идущая после вожатых). В пашэ дакъэ впрягали новичков. Третья пара называлась дакъэ пашэ (пара, идущая впереди последних). В дакъэ пашэ впрягали более смиренных быков. Последняя пара называлась дакъэ (пара, идущая позади), куда также впрягали опытных быков»⁸.

В особую группу выделялись погонщики волов – *вауэ* (адыг. *цауэ*). Они разделялись на три группы: *наиэ вауэ* – идущие впереди, «вожаки» погонщиков, *дакьэ вауэ* – погонщики, идущие по бокам упряжи, *выцхьэтес* – погонщик (обычно подросток), сидящий в корзине на двух передних волах⁹.

Супряга – дзей

Термин «супряга» происходит, судя по всему, от русского «сопрягать», «соединять в одну упряжку». В социальной истории средневековой Руси супряга представлена как форма совместной работы крестьянской бедноты, при которой несколько семей сообща использовали рабочий скот и другие средства производства для сельскохозяйственных работ.

В адыгской культурной традиции институту супряжничества соответствует, так называемый, *дзей* (адыг. *цей*). Также как и в русском языке, он происходит от слова со значением «сопрягать», «объединять», «соединять». Это, насколько мы понимаем, слово *зэдзыллэн*. И так же точно и в России, у черкесов под словом *дзей* (с внутренней формой «супряга») обозначают исторически сложившуюся форму кооперации крестьян в небольшие группы для объединения средств и усилий по распашке участков земли и подготовкой их к севу.

Но, однако, это лишь внешнее сходство, так как в Черкесии институт супряжничества был внутренне и очень жестко связан с социальной организацией феодалного общества в целом и прежде всего с принципами рационального распределения земли и рационального хозяйствования, способного удовлетворить потребности всех слоев населения, начиная с феодала-вотчинника, заканчивая крепостными крестьянами. Черкесская супряга, в силу этих причин, не связана с бедностью крестьян, с отсутствием у них достаточных средств для обработки земли. Это не вынужденная мера, к которой прибегала крестьянская беднота, а закрепленная в обычном праве, особая и обязательная для всех система взаимодействия производительных сил и производственных отношений в рамках сельской общины. В строгом соответствии с этой системой осуществлялось распределение принадлежащей аулу земли с последующей распашкой выделенных каждой семье участков.

Иначе говоря, согласно обычному праву черкесов все крестьянские семьи, в том числе и богатые, обязаны были объединяться в супряги – *дзей* (адыг. *цей*), то есть в бригады или группы по получению участков земли и совместной распашке этих участков. В этих группах один предоставлял плуг, второй пару волов, третий становился погонщиком волов – *вауэ*, четвертый поваром – *пицафлэ*, пятый волопасом – *выхьэуэ* и т.д. Как правило, люди объединялись в таких случаях вокруг того, кто являлся владельцем плуга, который был обычно плугарем и становился одновременно главным в супряге – *котэнэци/кутэнэци* у низовых черкесов адыгейцев, *пхьэлэцэжэ* – у кабардинцев.

Общее число членов супряги – *зэдзейэгьу* (адыг. *зэцэегьу*), обслуживающих один плуг, достигало у кабардинцев 4–5 человек. Также точно, как и у кабардинцев, у адыгейцев, по свидетельству Т.Д. Алибердова, этим заняты были четыре человека (не считая повара и волопасов), которых, в принципе, также можно считать членами супряги. Основу или ядро супряги составляли, таким образом: плугарь – *котэнэци* (каб. *пхьэлэцэжэ*), два погонщика, из которых один – каб. *выцхьэтес* сидел в специально приготовленной для него корзине и погонял две передние пары волов, а другой *дэкьэцуао* (каб. *дакьэ вауэ*) погонял задних быков. Четвертый член супряги «следовал за плугом и очищал крыло рабочей части плуга от комьев земли»¹⁰. Для этого использовалась специальная сравнительно малых размеров лопата, известная у кабардинцев под названием – *тхьухьэнцэ*.

Соответствующие такому распределению ролей специальные названия присваивались, как сказано выше, каждой из четырех пар быков.

Наличие волов, их количеству и качеству, как мы видим, придавалось большое значение. Недаром для определения вклада в общее дело супряги за точку отсчета принималось предоставление семьей двух полноценных волов, за что владельцу этих волов вспахивали один пай земли, владельцу четырех волов – два пая, владельцу шести волов – три пая¹¹.

Пай, равный участию в супряге двух быков, принадлежал также владельцу плуга, хотя затем он получал дополнительно к этому бонус за организацию супряги и руководство ее членами в процессе пахоты, о котором речь пойдет ниже. В один пай оценивался вклад в супрягу поваров, волопасов и, по всей видимости, труд всех других участников пахоты, включая членов импровизированного «правительства», «свиты» и всех других помощников главы (правителя пахоты) пахоты – *ваклуэ тхьэмэдэ*. Он избирался всей общиной, наделялся большими полномочиями, и на него возлагалась вся ответственность за поддержание необходимого порядка весенне-полевых работ, за успешное проведение и завершение пахоты и сева¹².

По одному паю выделяли, кроме того, вдовам, одиноким старикам, всем бедным семьям, а также на будущее для некоторого числа гостей и возможных новых членов общины, прибывавших из других сел – *кьаклуэ и Ихьэ*.

Была найдена, таким образом, универсальная формула законного распределения и распашки земли, согласно которой каждому члену сельской общины был гарантирован один пай, символически приравненный к участию в совместной работе двух быков или одного плуга. Согласно общему правилу, пишет в данной связи Х.М. Думанов, «участок на два быка составлял минимум, который был обеспечен каждой семье независимо от того, имела ли она пару быков или не имела»¹³.

С другой стороны, еще до начала пахоты распределение земли осуществлялось, как сказано выше, по количеству имеющихся в селе плугов. Плужные пай, в свою очередь, «делились между участниками супряги пропорционально количеству работавших быков»¹⁴. Обычно один плужный пай, следуя такой логике, охватывал собой четыре воловьих пая. При этом вокруг одного плуга могли объединиться «не менее двух и не более четырех семей»¹⁵. Иначе говоря, крестьянская семья даже при наличии всех необходимых средств для самостоятельной обработки земли, обязана была вступать в супрягу, в договорные отношения с сельской общиной, диктовавшей, таким образом, правила распределения и распашки земли.

Все эти, в основе своей архивные данные свидетельствуют о том, что при распределении ресурсов сельскохозяйственного производства (размер пашни, наличие пахотных орудий, рабочего скота, число крестьян и крестьянских семей, способных участвовать в весенне-полевых работах) действовала сложная система взаимосвязанных норм и запретов, позволявшая поддерживать сравнительно высокий уровень развития черкесского земледелия. В основе этой системы лежал принцип понятного для всех общинников разумного и справедливого соотношения между вкладом в общее дело и полученной выгодой. На первое место при этом ставили владельцев плугов и волов, как держателей главных средств производства. При этом владелец 4 или 6 быков получал возможность получить 2 или 3 пая, а владельцу плуга предоставлялось право на распашку определенных участков земли, оставшихся после раздачи плужно-воловьих паев.

Как выясняется, за счет этих земель специально, с согласия общины и выборных лиц, сельским главам и старшинам, а также владельцам одного полного плуга «разрешали вспахать дополнительно в свою пользу» определенную часть этих участков¹⁷. Б.М. Джимов приводит, кроме того, данные о том, что в таких случаях для хозяина плуга (для главы супряги) полагалось распашать дополнительно к его паю отдельный участок, посвятив этому один день пахоты¹⁷.

Из этого следует, что владельцев плуга ставили в один ряд со старшинами, а до установления царской администрации в Черкесии – с владельцами аулов (*кьуажэпц*), которым в конечном итоге принадлежал весь участок аульской земли.

Традиционно большим уважением пользовался в народе и сам плугарь. В Кабарде он, как сказано выше, носил гордое имя *пхьэИэцэжь* – «могучий плугарь», а в западной Черкесии *кутанэпц/котанэпц* – «повелитель плуга» и распределял роли всех других членов супряги, руководил ими и направлял их работу до полного окончания весенне-полевых работ, подчиняясь в свою очередь тхаме пахоты (*вакьуэ тхьэмадэ*), избранному сельской общиной. Показательно при этом, что у кабардинцев в пастушеских коллективах функции, аналогичные тем, что были закреплены за плугарем, выполнял и таким же авторитетом пользовался старший пастух (чабан) – *лэгьупэжь*. В основе такого названия лежит большой медный котел – *лэгьуп* и, соответственно, очаг, вокруг которого символически объединялся пастушеский коллектив, подчиняясь его главе, как охранителю (стражу) общего для всех котла и очага.

В заключение необходимо сказать, что предусмотренные обычным правом традиции и нормы совместной деятельности взаимопомощи и социальной поддержки, действовавшие в рамках института супряжничества, не распространялись затем (во всяком случае, в той же самой или аналогичной форме) на сев и другие этапы сельскохозяйственной деятельности. «После окончания пахоты и ее раздела между участниками в «спряженном» плуге, – пишет, ссылаясь на архивные данные, Б.М. Джимов, – прекращались всякие обязательства и «каждый из спряжников, получивший свою долю вспаханной земли, засеивает ее уже своими средствами, и урожай хлеба, полученный от этой земли, не подлежит делению между бывшими в спряжке»¹⁸.

Примечания

1. Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981. С. 118.
2. Очерки истории Грузии в 8 томах. Тбилиси, 1989. Т. 2.
3. Османов М.О. Традиционные типы и система земледелия Дагестана в XIX – начале XX века. Махачкала, 2008. С. 415.
4. Алибердов Т.Д. Адыгейские земледельческие орудия XIX и начала XX веков // Ученые записки. История и этнография. Краснодар, 1965. Т. VI. С. 108–114.
5. Там же. С. 114.
6. Алибердов Т.Д. Указ. соч. С. 115.
7. Серебряков И. Сельскохозяйственные условия Северо-Западного Кавказа // Записки Кавказского общества сельского хозяйства. Тифлис, 1867. № 1–2.
8. Алибердов Т.Д. Адыгейские земледельческие орудия XIX и начала XX веков. С. 115.
9. Щоджэн Хь., КьардэнгьуцI З. (Шогенов Х., Кардангушев З.). Адыгэ хабзэу шыIахэр (Обычаи адыгов). Налшык, 2006. Н. 16.
10. Алибердов Т.Д. Адыгейские земледельческие орудия XIX и начала XX веков. С. 115.
11. Думэн Хь.М. (Думанов Х.М.) Адыгэхэм я даудапщэхэр (Краткий словарь этнографических терминов кабардино-черкесского языка). Налшык, 2006. Н. 53.
12. Шортанов А.Т. Адыгская (черкесская) мифология и культуры. Нальчик, 2016. С. 365–367.
13. Думанов Х.М. Обычное имущественное право кабардинцев (вторая половина XIX – начало XX в.). Нальчик, 1976. С. 24.
14. Джимов Б.М. Общественный строй дореформенной Адыгеи (1800–1868 гг.) // Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института. Майкоп. Т. 11. С. 27–28; См. также: Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. С. 67.
15. Думанов Х.М. Обычное имущественное право кабардинцев. С. 23.
16. Там же. С. 24.

17. Джимов Б.М. Общественный строй дореформенной Адыгеи (1800–1868 гг.). С. 28.
18. Там же.

PLOWED LAND, ARABLE TOOLS AND SUPRYAGA IN THE TRADITIONAL STANDARD OF FARMING OF CIRCASSIANS

Bgazhnokov Barasbi Hachimovich, Doctor of History, Head sector of the ancient history and archeology of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS» (IHR KBSC RAS), bbarasbi@yandex.ru

In article the main lines and traditions of plow agriculture of Circassians are considered. Including fixing of traditions of tilled agriculture in language and language consciousness of the people, feature of use in practice of spring and field works of a heavy Circassian plow, other aspects of the Circassian agroethnography. It is emphasized that the fixed assets of agricultural lexicon of the Circassian language were created in an extreme antiquity, perhaps, in the Neolithic, and already then all stages of agricultural activity among which the predominating place was taken by a plowed land with the subsequent sowing were accurately allocated. Characteristics of a heavy Circassian plow are considered in connection with their adaptation to conditions of mobile agriculture. Also general characteristic of traditions of mutual aid and collective work during a plowed land is presented, to a role of so-called waco of a tkhamada – “heads of a plowed land” and an agricultural community in general to the organizations of harmonious work of peasants in field conditions.

Keywords: Circassians, tilled agriculture, arable tools, agroethnography, heavy plow, ox-team, traditions of mutual aid.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-4-39-7-14